

УДК-325

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-131-142

**«ПОРА ВОЗВРАЩАТЬСЯ ДОМОЙ»: АНАЛИЗ ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ
В ФЕДЕРАТИВНУЮ РЕСПУБЛИКУ СОМАЛИ В 2015–2024 ГГ.**

Г. Р. Оборин

Оборин Глеб Романович,

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация.

Аннотация

На основе данных Глобальной системы отслеживания мобильности населения в Сомали в статье анализируется международная возвратная миграция за период 2015–2024 гг. Цель исследования заключается в выявлении пространственно-временной структуры возвратных потоков и факторов их территориальной концентрации. Теоретико-методологическую основу исследования составляет синтез подходов Жан-Пьера Кассарино и Рассела Кинга, рассматривающих возвращение как структурный этап миграционного цикла, обусловленный ресурсами мигранта и готовностью принимающей среды. Данный подход дополнен концепцией политических возможностей возвратной миграции, позволяющей интерпретировать пространственное распределение потоков через призму институциональной фрагментации постконфликтного государства. Эмпирический анализ основан на методе локальных показателей пространственной ассоциации и регрессионном моделировании с использованием отрицательной биномиальной регрессии с нулевой инфляцией. В результате установлено, что возвратная миграция характеризуется выраженной пространственной асимметрией, нашедшей отражение в дихотомии «север – юг», при концентрации потоков в ограниченном числе районов южной и центральной части Сомали. Регрессионный анализ выявил статистическую значимость урбанистических и инфраструктурных факторов, тогда как пространственно-географические характеристики статистически незначимы, что указывает на доминирование политико-институциональных и экономических детерминант в постконфликтном восстановлении.

Ключевые слова: постконфликтное государство; возвратная миграция; Федеративная Республика Сомали; Африканский Рог; пространственная асимметрия; локальные показатели пространственной ассоциации; ZINB-регрессия

Для цитирования: Оборин, Г. Р. (2026) «Пора возвращаться домой»: анализ возвратной миграции в федеративную республику Сомали в 2015–2024 гг., *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 131-142. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-131-142

Финансовая поддержка: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00123-П (<https://rscf.ru/project/22-18-00123/>).

**"TIME TO RETURN HOME": ANALYSIS OF RETURN MIGRATION TO THE FEDERAL
REPUBLIC OF SOMALIA IN 2015-2024**

G. R. Oborin

Gleb R. Oborin,

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article draws on data from the International Organization for Migration's Displacement Tracking Matrix (DTM) in Somalia to analyse international return migration over the period 2015–2024. It aims to identify the spatio-temporal structure of return flows and the factors underlying their territorial concentration. The study is grounded in a synthesis of approaches developed by Jean-Pierre Cassarino and Russell King, conceptualising

return migration as a structural stage of the migration cycle shaped by migrants' resources and the absorptive capacity of receiving areas. This framework is complemented by the concept of political opportunity structures, enabling the spatial distribution of return flows to be interpreted as a reflection of institutional fragmentation in a post-conflict state. Empirically, the analysis combines Local Indicators of Spatial Association (LISA) with Zero-Inflated Negative Binomial (ZINB) regression. The findings reveal pronounced spatial asymmetry, including a north–south divide, with return flows concentrated in a limited number of districts, primarily in southern and central Somalia. Regression results highlight the significance of urban status and humanitarian infrastructure, while geographic factors such as border and coastal location are statistically insignificant, underscoring the dominance of political-institutional and economic determinants.

Keywords: post-conflict state; return migration; Federal Republic of Somalia; Horn of Africa; spatial asymmetry; Local Indicators of Spatial Association; ZINB regression

For citation: Oborin, G. R. (2026) "'Time to return home": analysis of return migration to the federal republic of Somalia in 2015-2024', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 131-142. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-131-142

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00123-P (<https://rscf.ru/project/22-18-00123/>).

Введение

Феномен возвратной миграции в академическом сообществе представляется одним из наиболее дискуссионных и наименее изученных явлений в контексте миграционных исследований (Lang, 2013; White, 2022), в анализе отдельных кейсов, отмеченных высокой интенсивностью трансграничной мобильности (Горохов и др., 2020; Горохов и др., 2023). Однако применительно к Африке и государствам Африканского Рога, одному из наиболее миграционно активных регионов мира, возвратная миграция либо не изучена, либо проанализирована фрагментарно.

Федеративная Республика Сомали характеризуется ограниченной институциональной способностью реализовывать собственную публичную политику, включая регулирование миграционных процессов. В начале 1990-х гг. государство пережило фактический распад на ряд полуавтономных территорий, наибольшую известность среди которых приобрел Сомалиленд, а сам процесс дезинтеграции сопровождался кровопролитным многолетним вооруженным конфликтом и масштабным гуманитарным кризисом. Однако на протяжении последних 10–15 лет Сомали оказалась в центре процессов частичной стабилизации социально-экономической и политической жизни, сопровождаемых в том числе усилением потоков возвратной миграции (Galipo, 2018). В этой перспективе сомалийский случай приобретает самостоятельное политологическое значение. Возвратная миграция в постконфликтных государствах не является нейтральным демографическим процессом, а выступает одновременно индикатором политической стабилизации и инструментом политического восстановления. Способность государства принимать, регистрировать и реинтегрировать собственных граждан выступает одним из базовых маркеров восстановления его инфраструктурной власти в терминах М. Манна (Mann, 1984).

Возвращение в постконфликтные общества традиционно рассматривается в политической науке через призму трех взаимосвязанных процессов: воспроизводства политических институтов на территориях с ограниченным государственным присутствием, конкуренции центральных и региональных властей за легитимность приема возвращенцев и переопределения национальной идентичности через включение или исключение мигрантских сообществ (Brand, 2006; Koinova, 2018). В сомалийском контексте, где федеральное правительство, региональные администрации, непризнанный Сомалиленд и ряд других акторов параллельно претендуют на регулирование миграционных процессов, пространственная структура возвратных потоков становится прямым отражением политической географии страны как фрагментированного де-факто государства (Menkhaus, 2014).

Возвратная миграция как самостоятельный объект исследования формировалась в рамках различных теоретических подходов, по-разному представляющих природу и последствия возвращения. Одним из ранних направлений стала концептуализация возвращения через призму реинтеграции вынужденных переселенцев, получившая развитие в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Примером этого подхода могут послужить работы нигерийского ученого Оласунками Ароволо (Arowolo, 2000) и шведской исследовательницы Дезире Нильссон (Nilsson, 2000). В этих и сходных с ними работах выявлено

базовое противоречие между нормативными ожиданиями «успешного возвращения» и реальными структурными барьерами, с которыми сталкиваются репатрианты. Применительно к государствам Африканского Рога подобная логика возвратной миграции рассматривалась преимущественно в контексте Судана и Эфиопии (Degu, 2007), тогда как сомалийский случай долгое время оставался на периферии систематического анализа.

В последнее десятилетие явление возвратной миграции приобрело новые границы понимания. Так, критический обзор сомалийского исследователя Абдинура Шейха Мохамеда Мохамуда (Mohamud, 2020) демонстрирует, что дискурс «добровольности», окутывающий миграцию африканских возвращенцев из европейских государств, часто маскирует ее принудительный характер. Социолог Адель Галипо рассматривает возвратную миграцию через призму нациестроительства, подчеркивая роль диаспоры в символическом и институциональном восстановлении страны, происходящем в последнее десятилетие (Galipo, 2018). Практические аспекты реинтеграции подробно анализируются в работах Жаклин Овиго и ее коллег (Owigo, Yusuf, 2020; Owigo, 2022), в которых они выявляют системную неустойчивость большинства существовавших в конце 2010-х гг. программ содействия возвращению в сомалийском контексте.

Сравнительную перспективу в контексте возвратной создают эмпирико-полевые исследования географов Венского университета. Так, Лемлем Вельдемариам и соавторы (Weldemariam et al., 2023) рассматривают динамику возвратной миграции в Субсахарской Африке с позиции пространственного анализа, частично затрагивая государства Африканского Рога. Работа Яспера Даг Тьядена и коллег (Tjaden et al., 2025) оценивает предпочтения к повторной миграции среди репатриантов, вернувшихся в страны Восточной Африки, в частности в Судан, Сомали и Эфиопию, в рамках программ содействия возвращению.

Наконец, необходимо отметить значительный массив аналитических материалов, посвященных миграционным процессам в регионе Африканского Рога. Важный контекст создают материалы международных организаций, связанных с анализом миграционных процессов, такие как Международная организация миграции (МОМ) (IOM DTM, 2024; IOM, 2025) и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) (UNHCR, 2025). Не менее значимыми выступают работы, затрагивающие Сомали лишь косвенно, акцентируя внимания на соседствующие с ним государства, такие как Южный Судан и Эфиопия (Newhouse, 2012; Macdonald, Porter, 2021).

Однако до сих пор отсутствует целостная картина по вопросу возвратной миграции в территориальном измерении, в частности пространственно-территориальном расселении. Цель настоящей статьи заключается в выявлении и анализе пространственно-временной структуры международной возвратной миграции в Федеративную Республику Сомали с 2015 по 2024 г., а также определении факторов, подталкивающих мигрантов вернуться в конкретные провинции и районы.

Теоретико-методологическая основа исследования

В качестве теоретико-методологической основы исследования предлагается использовать точечную теоретическую рамку, представленную синтезом концепций циркулярной и возвратной миграции. Первая концепция связана прежде всего с работами Жан-Пьера Кассарино (Cassarino, 2004), который и предложил рассматривать возвращение не как случайный или остаточный феномен, а как полноценный структурный этап миграционного цикла, детерминированный двумя ключевыми аспектами, такими как мобилизованные ресурсы мигранта (социальный, человеческий и финансовый капитал, накопленный за рубежом) и степень готовности принимающей среды к интеграции возвратных мигрантов. Соотношение этих измерений, по Кассарино, определяет как решение о возврате, так и его устойчивость.

Второй подход связан с именем Рассела Кинга (King, 1986), который рассматривает возвратную миграцию как нередко преобладающую модель в нестабильных регионах. Его концепция акцентирует внимание на нелинейности миграционных траекторий, что непосредственно релевантно для сомалийского случая.

Синтез концепций Кассарино и Кинга имеет ряд преимуществ перед классическими подходами и представляется наиболее адаптивным для анализа возвратной миграции в Сомали, поскольку категория «готовности принимающей среды» позволяет операционализировать структурные характеристики принимающих районов, в частности наличие гуманитарной инфраструктуры, не прибегая к национальным данным, недоступным для сомалийского контекста, что значительно облегчает работу с эмпирической базой. Важно и включение в концепцию коллективного измерения возврата (организованные

группы vs индивидуальные решения), напрямую соответствующее дихотомии, фиксируемой эмпирической базой исследования. Наконец, акцент на нелинейности миграционных траекторий согласуется с нестабильным и циклическим характером сомалийской миграционной динамики.

Восполнить политическое измерение возвратной миграции позволяет обращение к концепции структуры политических возможностей возвратной миграции, активно развиваемой в постконфликтных исследованиях (Koinova, 2018). Согласно этой логике, «готовность принимающей среды» Кассарино операционализируется не только через гуманитарную инфраструктуру, но и через ряд других аспектов: способность субнациональных властей контролировать территорию, наличие конкурирующих центров легитимности и степень включенности района в программную географию международных организаций. Применительно к Сомали это означает, что пространственное распределение возвратных потоков следует интерпретировать как отражение фрагментированной политической карты страны, где субнациональные власти разных уровней, де-факто государство Сомалиленд и анклавы влияния террористических организаций формируют различные режимы приема возвращенцев. Эта же рамка позволяет рассматривать программы организованного возврата как инструмент символической ресувверенизации территории, т.е. как практику, через которую международные акторы и центральное правительство закрепляют собственное присутствие в районах с ограниченной государственностью.

Эмпирическая база исследования представлена статистическими данными, собранными в рамках Глобальной системы отслеживания мобильности населения МОМ в Сомали¹. Названный проект функционирует как многокомпонентная система мониторинга перемещения населения, включающая в себя обследования точек въезда, мест проживания и проведение опросов домохозяйств.

Применительно к возвратной миграции ключевым инструментом выступает мониторинг точек въезда, в рамках которого полевые сотрудники МОМ фиксируют потоки возвращенцев на основных погранично-пропускных пунктах и в населенных пунктах-реципиентах при помощи метода опроса ключевых информантов с последующим агрегированием по разным административно-территориальным уровням, вплоть до уровня района (*district*). Вследствие этого подобное не оставляет иного выбора, как взять за единицу анализа связку формата «район – время», благодаря чему итоговая выборка составляет 361 единицы анализа, что соответствует 91 району, рассматриваемых в четыре временных среза.

Сразу необходимо отметить существенные ограничения данной эмпирической базы. Во-первых, неравномерность временных рядов, что связано с самой логикой проведения мониторинга. Три (фактически четыре) раунда мониторинга охватывают периоды разной продолжительности и обобщенности, что исключает возможность ежегодного сравнительного анализа и ограничивает работу с динамикой только рамкой определенных временных рядов. Во-вторых, наличие ярко выраженной правосторонней асимметрии данных, где при проверке нормальности распределения основной массив сосредоточен в правой стороне. В-третьих, существует значительная задержка публикации данных, что свойственно для большей части миграционной статистики. В рассматриваемом кейсе последняя публикация результатов была произведена в начале 2025 г., охватывала период с февраля по сентябрь 2024 г., и по настоящее время данные не обновлялись. Подобное также объясняет верхнюю временную границу исследования. В-четвертых, и в некоторой степени наиболее важное ограничение, система DTM изначально проектировалась для отслеживания внутреннего перемещения, вследствие чего категория международных возвращенцев фиксируется менее систематично. В данном случае граница между возвращенцем из другой страны и внутренним мигрантом в ряде случаев методологически размыта, что потенциально влечет недоучет трансграничных потоков в пользу внутренних.

Однако все вышеперечисленное не обесценивает данные фактически единственного открытого источника по возвратной миграции в Сомали, требуя лишь осторожности в интерпретации и генерализации выводов.

¹ IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2019) Somalia – Baseline Assessment (B2) – Pilot Round 0 [online]. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/datasets/somalia-baseline-assessment-b2-pilot-round-0> (accessed: 7.03.2026); IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2022) Somalia – Countrywide Baseline 2 – Dataset Round 1 (February 2020 – January 2022) [online]. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/datasets/somalia-countrywide-baseline-2-dataset-round-1-feb-2020-jan-2022> (accessed: 7.03.2026); IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2023) Somalia – Baseline Assessment – Round 2 [online]. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/datasets/somalia-baseline-assessment-round-2> (accessed: 7.03.2026); IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2023) Somalia – Baseline Assessment – Round 2 [online]. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/datasets/somalia-baseline-assessment-round-2> (accessed: 7.03.2026).

В качестве переменных в работе задействованы две зависимые и пять независимых переменных, которые представлены в таблице.

**Переменные, используемые в исследовании /
Variables used in the study**

Наименование	Смысловое обозначение	Тип	Роль в модели
<i>group_total</i>	Общая групповая миграция в район	Счетная	Зависимая
<i>indiv_total</i>	Общая индивидуальная миграция в район	Счетная	Зависимая
<i>refugee_camp</i>	Наличие инфраструктуры/наличие в районе лагеря или приемного пункта для возвращенцев	Бинарная	Независимая
<i>urban</i>	Район административный центр, которого является крупным городским центром (население свыше 200 тыс. человек)	Бинарная	Независимая
<i>coastal</i>	Районы с прямым выходом к морю	Бинарная	Независимая
<i>border_district</i>	Районы, граничащие с Эфиопией, Кенией или Джибути	Бинарная	Независимая
<i>federal_state</i>	Принадлежность района к одному из федеральных штатов	Номинальная	Независимая

Основываясь на перечисленном выше теоретико-методологическом дизайне, в исследовании задействовано несколько разнонаправленных методов, в частности пространственный и регрессионный анализ. Пространственный анализ реализован посредством картографической визуализации распределения возвратных потоков по районам в разбивке по типу (групповой/индивидуальный) и временному периоду, а также через метод локальных показателей пространственной ассоциации (*Local Indicators of Spatial Association*).

Последний позволяет выявить статистически значимые локальные кластеры районов со схожими значениями потоков (по типу *high-high* и *low-low*) и пространственные выбросы (типы *high-low* и *low-high*), тем самым верифицируя наблюдаемые на картах паттерны концентрации. Стоит отметить, что матрица пространственных весов построена по методу $k = 5$ ближайших соседей на основе центров районов. Значимость проверялась через итерацию 999 случайных перестановок при уровне статистической значимости $p < 0,05$. Ввиду обозначенной ранее экстремальной правосторонней асимметрии распределения ко всем значениям применена логарифмическая трансформация $\log(x + 1)$.

Регрессионный анализ направлен на оценку статистических взаимосвязей между переменными и выявление факторов, связанных с концентрацией возвратных потоков. Важным моментом является то, что в случае используемой эмпирической базы применение классических регрессионных анализов сопряжено с рядом методологических ограничений. Счетный характер данных с выраженной правосторонней асимметрией и высокой долей нулевых значений, а также неравенство среднего значения и дисперсии не позволяют использовать регрессию по методу наименьших квадратов (линейная регрессия) или стандартную для счетных данных пуассоновскую регрессию. Поэтому в работе будет применен метод отрицательной биномиальной регрессии с нулевой инфляцией (*Zero-Inflated Negative Binomial*, *ZINB*).

Если кратко описать суть метода *ZINB*, то она заключается в следующем. В рамках метода отдельно оценивается вероятность того, что район в принципе недоступен для возврата, и отдельно общий объем прибывающих в доступные районы. Первый процесс моделируется через логистическую компоненту, второй – через отрицательное биномиальное распределение, учитывающее сверхдисперсию данных. В этом случае параметры модели оцениваются методом максимального правдоподобия.

Эмпирический анализ и результаты исследования

Переходя к эмпирическому анализу, в первую очередь необходимо сфокусироваться на общей пространственной логике возвратной миграции в Сомали. Визуализация этого представлена на рис. 1, 2.

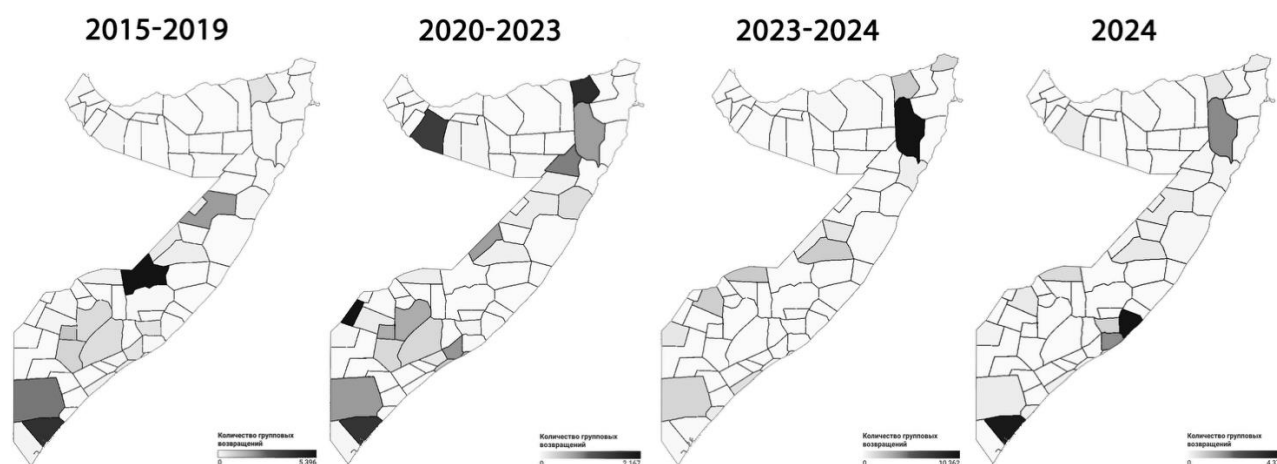

Рис. 1. Территориальное распределение групповой возвратной миграции в Федеративную Республику Сомали по районам, 2015–2024 гг. (составлено автором при помощи веб-инструмента Datawrapper на основе данных DTM Somalia) / Fig. 1. Spatial distribution of group return migration to the Federal Republic of Somalia by district, 2015–2024 (compiled by the author using the Datawrapper web tool based on DTM Somalia data).

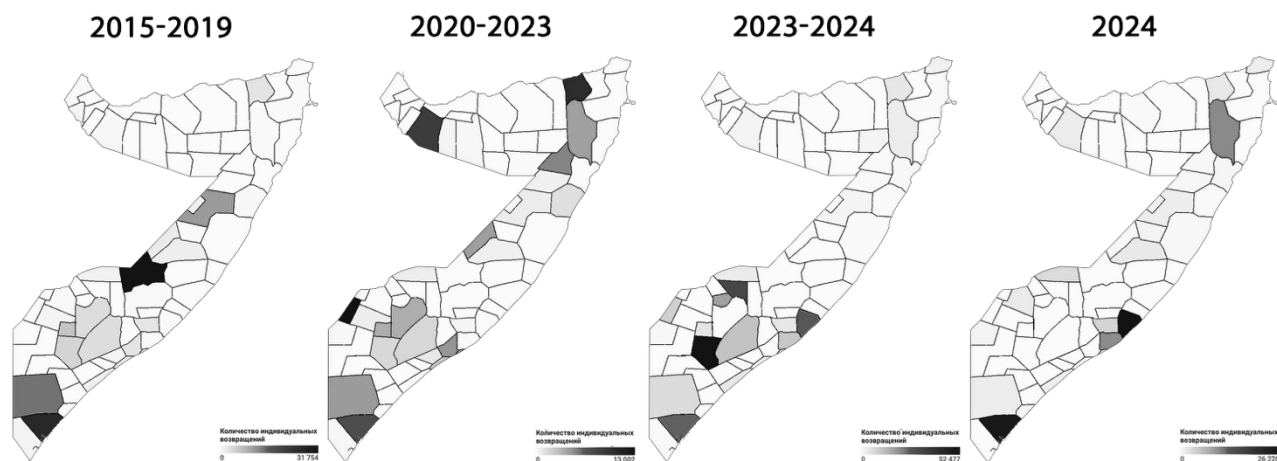

Рис. 2. Территориальное распределение индивидуальной возвратной миграции в Федеративную Республику Сомали по районам, 2015–2024 гг. (составлено автором при помощи веб-инструмента Datawrapper на основе данных DTM Somalia) / Fig. 2. Spatial distribution of individual return migration to the Federal Republic of Somalia by district, 2015–2024 (compiled by the author using the Datawrapper web tool based on DTM Somalia data).

В первом периоде можно наблюдать, что пространственная логика обоих типов миграции совпадает и потоки концентрируются вокруг районов Беледуэине и Кисмайо в центре и на юге страны. В 2020–2023 гг. картина кардинально меняется. Очаги темных пятен рассеиваются по 36 активным районам, а центр тяжести смещается на север, где доля северных штатов достигает 35,7 %, что вписывается в логику перестройки гуманитарных коридоров в условиях пандемических ограничений. Третий период (2023–2024 гг.) фиксирует наиболее выраженное расхождение двух паттернов, при котором групповая миграция монополизирована в северном районе Кардо, тогда как индивидуальная концентрируется на юге в ряде районов, а именно в Диинсооре, Худуре и Ваджиде. В последнем срезе оба типа потоков вновь сходятся, однако уже вокруг новых центров притяжения в лице Кадале и Балкад совместно с вернувшимся в лидеры Кисмайо.

Вследствие этого, вне зависимости от периода, картосхема фиксирует две устойчивые пространственные асимметрии. Во-первых, Сомалиленд остается визуально «белым» на всех восьми панелях, несмотря на относительную политическую стабильность региона (демонстрируя дихотомию «север – юг»). Во-вторых, приморские экономические районы, вопреки интуитивному ожиданию, не

выделяются как устойчивые реципиенты возвратной миграции, тогда как внутренние районы провинций Средняя Шабелле и Байдабо-Гедо формируют ключевые центры притяжения возвращенцев.

Переходя к применению локальных показателей пространственной ассоциации (*LISA*), направленных на выявление статистически значимых пространственных кластеров и пространственных отклонений, необходимо отметить ряд аспектов. Во-первых, ввиду указанной ранее экстремальной правосторонней асимметрии распределения (концентрация свыше 70 % совокупных миграционных потоков в нескольких районах) ко всем значениям применена логарифмическая трансформация $\log(x + 1)$.

Во-вторых, при проведении анализа была предпринята попытка рассмотреть несколько уровней административно-территориального деления, а именно штаты, провинции и районы. На уровне штатов не было обнаружено ни одного статистически значимого кластера или отклонения ни для индивидуальной, ни для групповой логики возврата. На уровне провинций (18 единиц) выделен единственный отклоняющийся случай в лице Северо-Западной провинции Сомалиленда, демонстрирующей более высокую миграционную интенсивность на фоне соседних провинций, однако демонстрируя уровень значимости лишь на уровне $p < 0,1$ ($p = 0,063$), что не достигает высокого порога значимости. Таким образом, локальные показатели пространственной ассоциации проявляют статистическую значимость ($p < 0,05$) только на районном уровне. Именно здесь пространственная структура потоков приобретает устойчивый кластерный характер, что отображено на рис. 3.

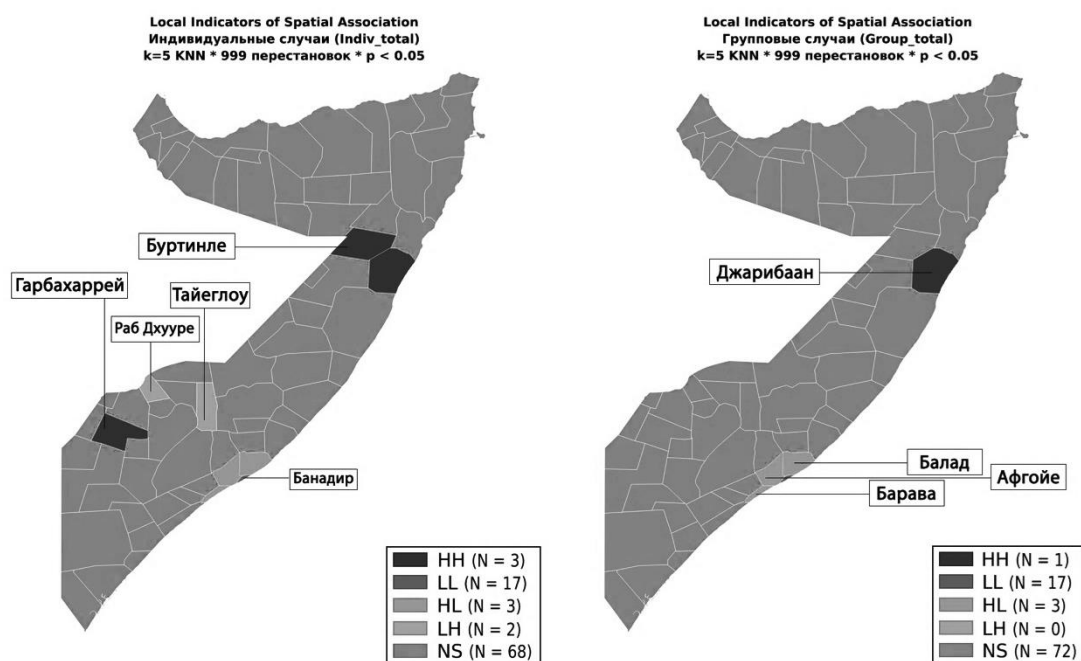

Рис. 3. Карта кластеров *LISA* (Local Indicators of Spatial Association) по районам Сомали, 2015–2024 гг.

(составлено автором при помощи языка программирования Python на основе данных DTM Somalia) / Fig. 3. *LISA* (Local Indicators of Spatial Association) cluster map for Somali districts, 2015–2024 (compiled by the author using the Python programming language based on DTM Somalia data).

Анализ на уровне районов позволил выделить несколько содержательно значимых кластеров и паттернов. Во-первых, выявлены локальные кластеры типа *high-high* в северо-восточной части страны. В логике индивидуального возврата районы Бурдинле и Джарибаан образуют зону взаимно высоких значений, значимую для обоих типов потоков. Оба района оснащены лагерной инфраструктурой и располагают крупными городскими центрами, что создает самоподдерживающийся аттрактор и согласуется с устойчивым присутствием Босасо и Кардо в топ-10 реципиентов на протяжении трех из четырех периодов. Помимо этого, тип *high-high* для индивидуальной миграции выявлен в районе Гарбахаррей. Для групповой логики единственным подобным районом является Джарибаан.

Во-вторых, выявлен обширный кластер типа *low-low* в провинции Банадир, представленный 17 районами с нулевыми или минимальными значениями, окруженными столь же «пустыми» соседями.

Кластер устойчив для обоих типов потоков, что указывает на его структурный характер, обусловленный комбинацией хронической нестабильности безопасности и системных пробелов в охвате программами возврата. На его границе расположены три *high-low* выброса в лице Балад, Афгойе и Барава, т.е. районов с высокими значениями на фоне структурно низкого окружения. Все три оснащены лагерной инфраструктурой и резко появляются в топ-10 реципиентов начиная с 2023 г. без какой-либо предшествующей динамики, что можно обозначить как проявление целенаправленного расширения программной географии МОМ и УВКБ ООН (IOM, 2025; UNHCR, 2025).

В-третьих, исключительно в рамках индивидуальной миграции выделяются два выброса типа *low-high*, а именно Тайеглоу и Раб Дхууре (оба провинция Бай, $p = 0,007$ и $p = 0,040$ соответственно), демонстрирующие нулевые значения при соседствующем районе Худур с индивидуальными возвращениями на уровне 30 тысяч человек. Объяснение подобного паттерна можно искать в клановой структуре страны, в частности в доминировании клана раханвейн в данных районах, традиционно обособленного в сомалийской социальной иерархии (Mohamed Mohamud, 2020). Представленное демонстрирует наличие локальных барьеров, блокирующих самостоятельное возвращение даже в условиях высокой миграционной активности соседнего района и не улавливаемых ни одной из формальных переменных модели. Примечательно, что в групповой логике этот *low-high* паттерн полностью отсутствует, т.е. организованные программы в данный ареал попросту не проникают.

В итоге применение метода *LISA* позволяет зафиксировать принципиальное структурное расхождение двух типов потоков. Для индивидуальной миграции характерны три *hh*-кластера и два *lh*-выброса, что образует более диффузный, клановосетевой паттерн. Для групповой миграции *hh*-кластер сжимается до одного района, *lh*-вылет исчезает, однако *hl*-структура Шабелле полностью воспроизводится. Подобное означает, что организованные программы не сглаживают пространственные диспропорции, а воспроизводят и усиливают уже существующие, фактически институционализируя сложившуюся пространственную иерархию реципиентов.

Переходя к факторам, мы переходим к использованию регрессионного анализа, в частности метода отрицательной биномиальной регрессии с нулевой инфляцией (*ZINB*), который разграничивает два процесса. *Zero*-компонента оценивает вероятность того, что район структурно недоступен для возврата, тогда как *count*-компонента описывает объем потока в доступных районах. Важным для этого метода является параметр сверхдисперсии², который равняется $\alpha = 1,371$ для групповой логики возвращения, а для индивидуальной $\alpha = 1,275$, тем самым подтверждая обоснованность выбора *ZINB*-метода перед пуассоновской регрессией.

Применение метода на эмпирической базе исследования и его графическое отображение представлены на рис. 4.

Рассмотрим *count*-компоненту для групповой логики возврата (см. рис. 4, верхний левый график). Переменная, отвечающая за дихотомию «городской –сельский характер района» (*urban*), демонстрирует инцидентное отношение рисков³ (*IRR*), равна показателю 4,37 (при показателе $p < 0,001$). Иными словами, районы с крупным населенным пунктом принимают в 4,4 раза больше организованных возвращенцев, чем районы преимущественно сельского характера при прочих равных условиях. Переменная, отвечающая за наличие инфраструктурных возможностей в районе (*refugee_camp*), также обладает статистической значимостью ($p = 0,051$) при $IRR = 2,14$, т.е. наличие лагерной инфраструктуры удваивает ожидаемый объем группового потока. В свою очередь, это подтверждает предположение о связи организованного возврата с готовностью принимающей среды.

Переменные, связанные с пространственным положением района (*coastal* и *border*), не продемонстрировали статистической значимости. Устойчивым результатом выступает отрицательный эффект Сомалиленда ($IRR = 0,067$, $p < 0,001$), где при сопоставимых характеристиках расположение района в Сомалиленде снижает ожидаемый объем групповых потоков в 15 раз относительно базовой категории Джубаленда.

² В случае если показатель $\alpha = 0$, это означает, что данные соответствуют пуассоновскому распределению и сверхдисперсия отсутствует. В случае если $\alpha > 0$, это демонстрирует наличие сверхдисперсии и обосновывает применение *ZINB*-метода.

³ Коэффициент *count*-компоненты модели *ZINB*, показывающий, во сколько раз изменяется ожидаемый объем потока при изменении предиктора на одну единицу при прочих равных условиях. Значение $IRR = 1$ означает отсутствие эффекта, $IRR > 1$ – положительную связь, $IRR < 1$ – отрицательную.

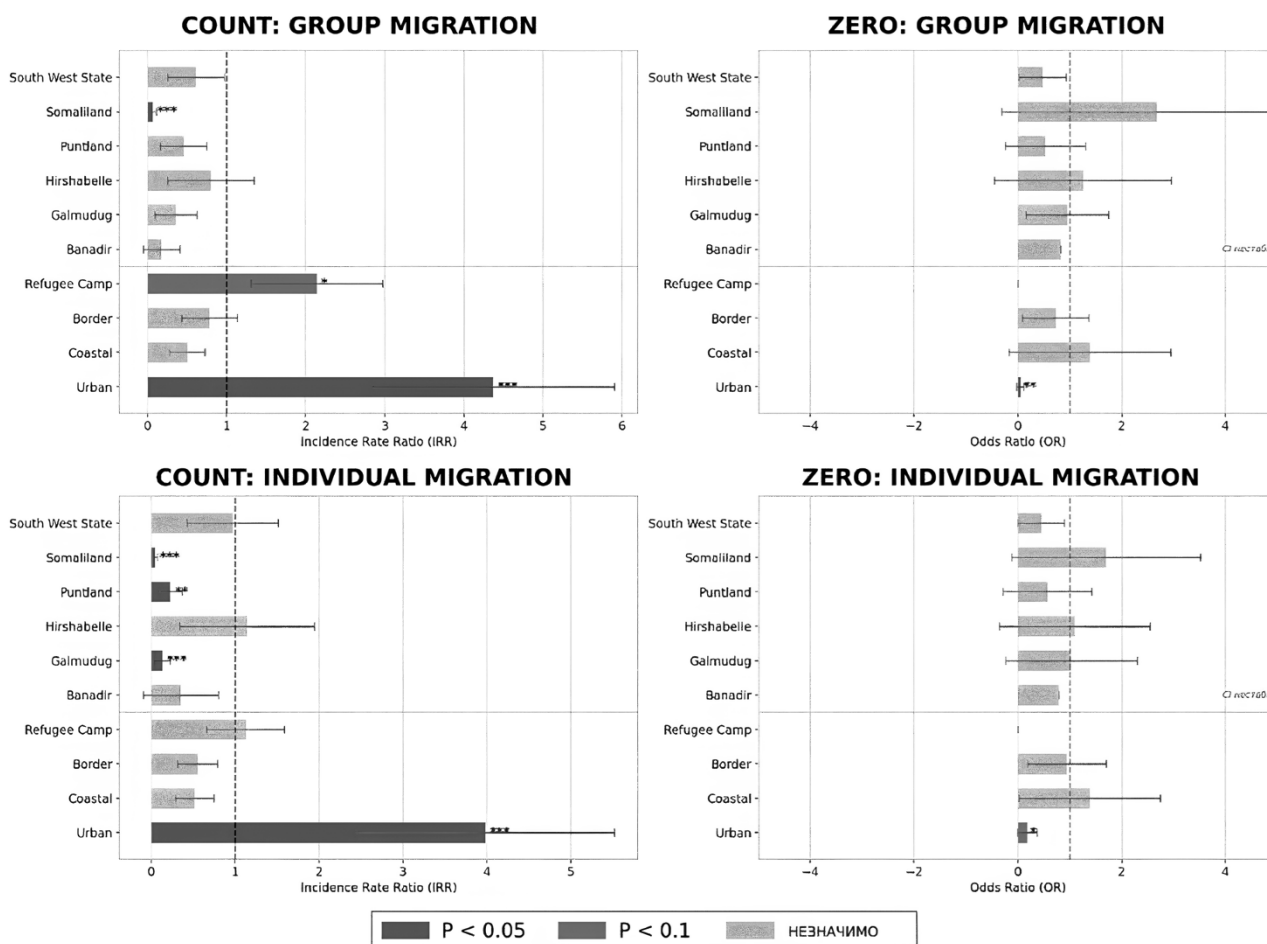

Рис. 4. Результаты регрессионного анализа (ZINB) факторов возвратной миграции в Федеративную Республику Сомали, 2015–2024 гг.

(составлено автором при помощи языка программирования Python; базовая категория: Джубаленд; count-компонента отражает инцидентное отношение рисков (IRR), zero-компонента – отношение шансов (OR); ось zero-панелей обрезана для читаемости; доверительный интервал Бандира нестабилен ввиду эффекта идеального разделения) / Fig. 4. Results of Zero-Inflated Negative Binomial (ZINB) regression analysis of return migration factors in the Federal Republic of Somalia, 2015–2024 (compiled by the author using Python; reference category: Jubaland; the count component presents incidence rate ratios (IRR), while the zero component presents odds ratios (OR); the axes of the zero panels are truncated for readability; Bandira confidence intervals are unstable due to perfect separation)

Zero-компонента групповой модели (см. рис. 4, верхний правый график) описывает отношение шансов того, что район является структурным нулем, т.е. территорией, куда организованный возврат в принципе невозможен. Вновь обращаясь к переменной *urban*, мы видим, что она демонстрирует существенное снижение этой вероятности ($OR = 0,046$, $p = 0,027$), т.е. лишь в 4,6 % случаев городские районы могут быть структурно закрыты для групповой миграции. Инфраструктурная переменная (*refugee_camp*) демонстрирует эффект идеального разделения, т.е. районы с лагерьной инфраструктурой полностью предсказывают ненулевое значение, вследствие чего стандартные ошибки для данной переменной нестабильны. Аналогичная ситуация наблюдается с переменной Банадир. Остальные переменные статистической значимости не достигают.

Применим аналогичную логику к индивидуальной возвратной миграции (см. рис. 4, нижний левый и правый графики). В count-компоненте сохраняется сопоставимый эффект переменной (*urban* – $IRR = 3,98$, $p < 0,001$), однако инфраструктурная переменная (*refugee_camp*) утрачивает статистическую значимость. Территориальные переменные (*coastal* и *border*) вновь не достигают значимости. В части измерения штатов при самостоятельном возвращении принадлежность района к Сомалиленду снижает ожидаемый поток уже в 20 раз ($IRR = 0,049$, $p < 0,001$), а Гальмудуг ($IRR = 0,134$, $p = 0,006$) и Пунтленд ($IRR = 0,230$, $p = 0,015$) также демонстрируют значимые отрицательные эффекты.

В *zero*-компоненте индивидуальном ракурсе, переменная (*urban*) аналогично снижает вероятность структурной недоступности района ($OR = 0,051$, $p = 0,033$), воспроизводя логику групповой модели. Эффект Банадира при этом менее выражен ввиду ненулевых, хотя и скромных индивидуальных потоков в столичный регион.

Если переходить к сопоставлению двух логик, то можно зафиксировать принципиальное структурное различие детерминант двух типов возврата. Групповая миграция обусловлена одновременно урбанистической и инфраструктурной переменными, что отражает двойную логику организованных программ, тяготеющих к районам с развитой городской средой и гуманитарной инфраструктурой. Индивидуальная миграция зависит исключительно от урбанизационного аспекта, воспроизводя рациональную пространственно-экономическую логику самостоятельного решения о возвращении вне зависимости от наличия программной инфраструктуры. Представленное различие непосредственно соответствует разграничению между «готовностью принимающей среды» в концепции Кассарино и «возвратом к успеху» в типологии Кинга, подтверждая объяснительный потенциал синтетической теоретической рамки применительно к сомалийскому случаю.

Заключение

Возвратная миграция в Сомали как в логике индивидуального, так и группового возвращения характеризуется устойчивой ориентацией на южные и центральные районы страны, что сопровождается нарастающей территориальной концентрацией, фиксируемой на протяжении всего периода исследования.

Ключевыми предикторами объема потоков выступают урбанистический статус района и наличие гуманитарной инфраструктуры, тогда как пространственно-географические факторы являются статистически незначимы. Стоит отметить, что принадлежность к Сомалиленду является устойчивым отрицательным предиктором для обоих типов потоков. Подобное объясняется тем, что де-факто государство Сомалиленд, не признанное международным сообществом, остается вне программной географии МОМ и УВКБ ООН. Таким образом, отрицательный эффект Сомалиленда отражает не отсутствие миграционной привлекательности региона, а его институциональную обособленность от международного режима организованного возврата (Owigo, Yusuf, 2020).

Важно подчеркнуть, что применение метода локальных показателей пространственной ассоциации позволило верифицировать эти закономерности статистически, выявив устойчивый северо-восточный кластер типа *high-high*, обширную зону структурного исключения типа *low-low* в Нижней Шабелле, а также точечные выбросы на ее границах.

Возвратные потоки действительно концентрируются в экономически и инфраструктурно развитых районах, а пространственное распределение устойчиво тяготеет к югу страны при фактическом отсутствии потоков в Сомалиленде. *ZINB*-метод продемонстрировал, что наличие гуманитарной инфраструктуры значимо для групповой, но не для индивидуальной миграции. В условиях постконфликтного государства инфраструктурные и урбанистические факторы нивелируют пространственные преимущества административно-территориальных единиц.

Полученные результаты обладают рядом импликаций. Во-первых, пространственная асимметрия возвратных потоков в дихотомии «север – юг» отражает не географическую, а политико-институциональную фрагментацию Сомали, при которой международный режим возврата фактически воспроизводит границы признанного государства, оставляя де-факто государство Сомалиленд за пределами своей операционной географии. Во-вторых, концентрация организованных программ в районах с уже существующей гуманитарной инфраструктурой свидетельствует о том, что международные акторы не выравнивают, а закрепляют сложившуюся политическую географию постконфликтного государства, что согласуется с критикой программ содействия возвращению как инструмента, в большей степени отвечающего интересам стран отправления, нежели стратегиям восстановления принимающего общества (Mohamed Mohamud, 2020). В-третьих, выявленное расхождение между логикой организованного и индивидуального возврата указывает на различные политические агентности: организованный возврат – это практика государства и международных организаций, тогда как индивидуальный – практика, опосредованная клановыми и неформальными политическими структурами, остающимися ключевым элементом сомалийского политического порядка.

Список литературы / References

- Горохов, С. А., Агафшин, М. М. и Дмитриев, Р. В. (2020) 'Сомалийцы в Швеции: региональное измерение', *Современная Европа*, 7(100), сс. 132–143. DOI: 10.15211/soveurope72020150161. [Gorokhov, S. A., Agafoshin, M. M. and Dmitriev, R. V. (2020) 'Somalians in Sweden: regional dimension', *Sovremennaya Evropa*, 7(100), pp. 132–143. DOI: 10.15211/soveurope72020150161. (In Russ.)].
- Горохов, С. А., Агафшин, М. М. и Дмитриев, Р. В. (2023) 'Миграционный кризис в регионе Восточной Африки', *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, 1, сс. 50–62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3. [Gorokhov, S.A., Agafoshin, M.M. and Dmitriev, R.V. (2023) 'Migration crisis in the East Africa region', *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 1, pp. 50–62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3. (In Russ.)].
- Arowolo, O.O. (2000) 'Return migration and the problem of reintegration', *International Migration*, 38(5), pp. 59–82. DOI: 10.1111/1468-2435.00128.
- Brand, L. A. (2006) *Citizens Abroad: Emigration and the State in the Middle East and North Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511491498.
- Cassarino, J.-P. (2004) 'Theorising Return Migration: The Conceptual Approach to Return Migrants Revisited', *International Journal on Multicultural Societies*, 6(2), pp. 253–279.
- Degu, W.A. (2007) *The state, the crisis of state institutions and refugee migration in the Horn of Africa: The cases of Ethiopia, Sudan and Somalia*. Trenton, NJ: Red Sea Press.
- Galipo, A. (2018) *Return Migration and Nation Building in Africa: Reframing the Somali Diaspora*. London/New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780429491184.
- IOM (International Organization for Migration) (2025) *A Region on the Move 2023–2024: East, Horn and Southern Africa*. Nairobi: IOM. Available at: https://dtm.iom.int/sites/g/files/tmzbd11461/files/reports/iom_nairobi_aregiononthemove2024_print_smaller.pdf (Accessed: 7 March 2026).
- IOM DTM (International Organization for Migration, Displacement Tracking Matrix) (2024) *Somalia Baseline Assessment Report — Round 3 (February 2024 – September 2024)*. Geneva: IOM. Available at: <https://dtm.iom.int/reports/somalia-baseline-assessment-report-round-3-february-2024-september-2024> (Accessed: 7 March 2026).
- King, R. (ed.) (1986) *Return Migration and Regional Economic Problems*. London: Croom Helm.
- Koinova, M. (2018) 'Diaspora mobilisation for conflict and post-conflict reconstruction: contextual and comparative dimensions', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44(8), pp. 1251–1269. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1354152.
- Lang, T. (eds.) (2013) *Return Migration in Central Europe: Current trends and an analysis of policies supporting returning migrants*. Forum IfL, 21. Leipzig: Leibniz-Institut für Länderkunde. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-359664> (Accessed: 4 March 2026).
- Macdonald, A. and Porter, H. (2021) 'The politics of return: understanding trajectories of displacement and the complex dynamics of "return" in Central and East Africa', *Journal of Refugee Studies*, 33(4), pp. 639–656. DOI: 10.1093/jrs/feaa092.
- Mann, M. (1984) 'The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results', *European Journal of Sociology*, 25(2), pp. 185–213. DOI: 10.1017/S0003975600004239.
- Menkhaus, K. (2014) 'State failure, state-building, and prospects for a "functional failed state" in Somalia', *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 656(1), pp. 154–172. DOI: 10.1177/0002716214547002
- Mohamed Mohamud, A. S. (2020) 'Forced Migration and Forced Return to Somalia: A Critical Review of the Literature', *Bildhaan: An International Journal of Somali Studies*, 20(1). Available at: <https://digitalcommons.maclester.edu/bildhaan/vol20/iss1/12> (Accessed: 3 March 2026).
- Newhouse, L. S. (2012) *South Sudan Oyee! A political economy of refugee return migration to Chukudum, South Sudan*. PhD thesis.

- Seattle, WA: University of Washington.
DOI: 10.6084/m9.figshare.13271572.v1.
- Nilsson, D. (2000) *Internally displaced, refugees and returnees from and in the Sudan: a review*. Studies on Emergencies and Disaster Relief, No. 8. Uppsala/Copenhagen: Nordiska Afrikainstitutet.
- Owigo, J. (2022) 'Returnees and the Dilemmas of (Un)sustainable Return and Reintegration in Somalia', *African Human Mobility Review*, 8(2), pp. 122–138. DOI: 10.14426/ahmr.v8i2.1132.
- Owigo, J. and Yusuf, O. (2020) *Return and (re)Integration in Fragile Contexts: The Experiences of Somali Returnees*. Policy Briefing: Climate Change and Migration, May 2020. Available at: https://africaportal.org/wp-content/uploads/2023/05/Owigo_and_Yusuf_-_Final-3.pdf (Accessed: 28 February 2026).
- Tjaden, J., Liebe, U. and Bruscoli, D. (2025) 'Explaining re-migration preferences among assisted returnees: evidence from Discrete Choice Experiments in Sudan, Somalia, and Ethiopia', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, published online ahead of print. DOI: 10.1080/1369183X.2025.2505708.
- UNHCR (United Nations High Commissioner for Refugees) (2025) *Global Trends Report 2024*. Geneva: UNHCR, June 2025. Available at: <https://www.unhcr.org/sites/default/files/2025-06/global-trends-report-2024.pdf> (Accessed: 7 March 2026).
- Weldemariam, L.F., Ayanlade, A., Borderon, M. and Möslinger, K. (2023) 'Dynamics and factors influencing return migration to Sub-Saharan Africa: A systematic review', *Heliyon*, 9(8), pp. e18791. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e18791.
- White, A. (2022) 'Return migration experiences: the case of Central and Eastern Europe' in: King, R. and Kuschminder, K. (eds.) *Handbook of Return Migration*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, p. 299–313. Available at: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10144580/> (Accessed: 7 March 2026).

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 14.04.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Оборин Глеб Романович, младший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований.

E-mail: gleboborin09@gmail.com (ORCID: [0009-0003-1992-3999](https://orcid.org/0009-0003-1992-3999)).

Information about author

Gleb R. Oborin, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies.

E-mail: gleboborin09@gmail.com (ORCID: [0009-0003-1992-3999](https://orcid.org/0009-0003-1992-3999)).